



ПРИНТОВАНО

КРАЙ

Военно-освѣдомительная, литературная и политическая газета.

Цѣна отдѣльнаго номера въ уличной продажѣ 1 марка. Покупающимъ сразу болѣе 50-ти экземпляровъ скидка 20%.

Адресъ Редакціи и типографіи: Ивангородскій форштадтъ, 1-я линія, 5.

№ 50.

Нарва, Среда 7 Января 1920 г.

№ 50.

Русскіе люди въ день Рождества Христова поздравляютъ съ Великимъ Праздникомъ Славныя Бѣлыя Арміи въ лицѣ ихъ вождей, адмирала Колчака, генераловъ Деникина, Юденича и Глазенапа, вѣря въ близкое возрожденіе Родины подъ ихъ водительствомъ.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Подарокъ противобольшевистскаго фронта къ Русскому Рождеству.

Большевики сообщаютъ по Радио изъ Москвы что

ПОЛЬСКИМИ ВОЙСКАМИ

ЗАНЯТЬ ДВИНСКЪ.

Подарки, собранныя дамскимъ Комитетомъ и Лесницъ подъ предсѣдательствомъ господина М. А. Леманъ розданы заботами Военнаго Вѣдомства черезъ его представителя при гражданскомъ отдѣлѣ господина Панова и при содѣйствіи офицеровъ Сѣверо Западной арміи бѣженцамъ, находящимся въ Левве, Везенбергъ и Изенгофъ 24 и 25 декабря. Бѣженцы получили подарки какъ разъ къ праздникамъ и горячо благодарятъ отзывчивыхъ русскихъ и англичанъ за ихъ дорогой подарокъ.

Нарва, 25 декабря (7 января).

День Рождества Христова, Великій Праздникъ, старья русскія Святки. День тихой радости и яснаго, чистаго, какъ кристаллики свѣжноекъ, упавшихъ съ Божьяго Неба, но еще не коснувшихся грѣшной земли въ своемъ медленномъ полетѣ. День веселаго дѣтскаго смѣха вокругъ зажженныхъ свѣчами—искрами зеленыхъ душистыхъ елокъ. День Христова словоеловія въ храмахъ, по улицамъ и по домамъ, — открытой хвалы рожденному Младенцу Спасителю, хвалы, въ которой молитва сливается съ простой пѣсенкой, Божье съ человѣческимъ.

Вѣдь въ этотъ день родился Бого-человѣкъ, вѣчность воплотилась въ земную одежду, чтобы возродить, спасти людей.

Тысячелѣтія назадъ небо зажгло надъ головой родившагося отъ женщины яркую звѣзду — корону, а для насъ, кто еще не утерялъ Бога въ душѣ, зажигается въ этотъ день хоть на мгновенье невидимая путеводная звѣзда, зовущая за Нимъ, за Христомъ рожденнымъ.

Зажигается и въ этомъ году, горитъ ясно, гонитъ изъ сердца наболѣвшія чувства, каждодневную муку, и, хоть невольно возвращается мысль къ тому, что творится тамъ... прочь эта мысль. Не веди за собой словъ проклинающихъ, словъ горечи...

Прислушается душа, и надалека, изъ воспоминаній и надеждъ все сильнѣе и сильнѣе будетъ доноситься радостное

гнѣніе ангеловъ, вѣшавшихъ міру: Слава въ Вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе! И пойметъ душа, что нѣтъ на землѣ мира, пока Богъ не славенъ въ высокомъ Небѣ; нѣтъ Славы Богу, пока черная ненависть вытравляетъ изъ челоуѣческаго сердца благоволеніе одного челоуѣка къ другому.

Пойметъ и будетъ радоваться, потому-что неминуемо обудется возвѣщенное съ небесъ, какъ бы ни затмилась Правда Божія земною неправдой.

Пойметъ, что предсказано Рождествомъ Воскресеніе,—солнцемъ, перешедшимъ грань уменьшающихся дней, предсказанъ яркій свѣтъ и живительное тепло весны—возрожденія.

Во всемъ великая Притча Создателя, повтореніе имъ пройденнаго пути отъ тихаго радостнаго дня рожденія къ воскресенію черезъ муку и смерть. Такой же путь проходить наша Родина, она близка къ своему воскресенію, хотя въ эти дни...

Снова прочь мрачная мысль. Мы русскіе люди гонимъ тебя сегодня, какъ гнала дѣва Марія мысль о грядущихъ страданіяхъ Ея Сына, что жгла ее съ перваго мгновенья зачатія. Она улыбалась рожденному младенцу, радовалась первой материнской радостью Его первой отвѣтной улыбкѣ.

И этой святой радости немѣшало ничто, ни убогая обстановка кругомъ, ни севыходная нищета.

Будемъ же улыбаться и радоваться, привѣтствуя другъ друга ири встрѣчѣ. Будемъ улыбаться въ окопахъ, и въ чужихъ, переполненныхъ бѣженцами лагерьгахъ, забывая о трудной обстановкѣ

Вѣдь и Вилеемская пещера не была дворцомъ, ясли не были уютной постелью, когда съ Неба сошла Радость всему міру.

Далекіе отъ своихъ родныхъ будемъ съ вами душою, будемъ жить однимъ чувствомъ.

Пусть мы всего лишены и къ нашему празднику не заколятъ жирный телець, — вспомнимъ, что мы русскіе люди, умѣвшіе когда-то быть веселыми, опьяненными однимъ морознымъ воздухомъ старыхъ русскихъ Святыхъ. Старья вспомнимъ пѣсни, пробудимъ ихъ въ душѣ и она вернетъ себѣ веселую улыбку.

Вѣру вернетъ, а горами двигаетъ вѣра, дѣлаетъ возможнымъ невозможное.

Старинныя преданія пусть оживутъ въ насъ сегодня яркими образами, затемная черной, мучительной образъ...

Выйдемъ въ широкое поле, убранное бѣлой скатертью снѣга, по которому выткала ясная луна голубоватые узоры отсвѣтовъ. Выйдемъ и обернемся туда къ востоку, гдѣ широко раскинулась Родина, и спросимъ по старому русскому святочному обычаю имя суженаго Россіи.

Намъ отвѣтять далекіе голоса.

Много именъ пронесутъ они, но во всѣхъ этихъ именахъ будетъ слышаться одинъ смыслъ: „возрожденіе, миръ, счастье“.

Спросить наша доблестная армія, какъ имя сѣ суженаго, и голоса отвѣтять: „Успѣхъ“.

Именемъ „Славы“ отвѣтять голоса солдату, именемъ „покоя“ усталымъ бѣженкамъ, и прекраснымъ именемъ „Труда“ — всѣмъ тѣмъ, кто еще молодъ, кто долженъ строить, ковать будущее Родины.

Въ этихъ отвѣтахъ мы услышимъ радостное, но и обязывающее насъ въ то же время, потому что безъ дружныхъ усилий нашихъ не придутъ возрожденіе, Слава, покой.

Пусть же подбодрится каждый изъ насъ въ святые дни. Пусть не станетъ

опускающихся рукъ, пустыхъ, безразличныхъ мыслей.

Пусть „птицей-тройкой“ снова мчится Русь, и весело позвякиваютъ рождественскіе колокольцы.

Широкій лежитъ передъ нею путь.

Оправившійся отъ болѣзни народъ широко грудью вдохнетъ родной, морозный воздухъ. Взглянетъ на небо и душой вознесетъ Богу Славу, оглянется кругомъ — насладится пришедшимъ на землю миромъ, посмотритъ въ глаза людямъ, и почувствуетъ ихъ всѣхъ братьями.

Бѣлымъ солдатамъ.

Встрѣтите день Рожденія Мессіи, Братья, съ вѣрой общей, веселій. Не напрасно, вѣрите, испытанье, — Этотъ праздникъ счастья предсказанье, Общанье свѣтлыхъ, лучшихъ дней Возрожденія гибнувшей Россіи.

Рождество пророчитъ Воскресенье, Зажигаетъ свѣтъ Его вдали, Открываетъ радости дорогу, — Снова будетъ Слава въ Вышнихъ Богу, Снова миръ наступитъ на земли И въ сердцахъ людей благоволеніе.

Яр. Оредовскій.

Братья, Христолюбивые воины!

Всѣ Вы встрѣчаете рожденнаго Христа не въ той привычной христіанской обстановкѣ, освященной вѣками, которая такъ мила сердцу каждаго православнаго христіанина. Не придетъ къ Вамъ старушка мать, молодая жена и семейные и не поздравятъ Васъ съ праздникомъ Рождества Христова. Не подъ звуки колокола проснетесь Вы и не ра-

достной пѣсней закончите старый русский праздникъ. Нѣтъ! враги, не давшіе Христу умереть спокойно, не дадутъ Ему и родиться спокойно. Никто не увидитъ и не узнаетъ, какъ встрѣтите Вы родившагося Христа. Но мы, пастыри, служившіе Вашимъ старикамъ, выброшенные вмѣстѣ съ Вами изъ родныхъ хижинъ, — видимъ Вашу святую, мученическую жизнь. Видимъ и беремъ на себя смѣлость отъ лица всѣхъ дорогихъ Вамъ близкихъ привѣтствовать Васъ съ великимъ праздникомъ.

„Да не смущается сердце Ваше, въ Меня вѣруйте“, говоритъ Спаситель. И мы видимъ, что Ваша жизнь и здоровыхъ, и больныхъ, и раненыхъ — есть изумительное выраженіе стойкой вѣры во Христа. Вы на своихъ могучихъ плечахъ выносите истерзанную Родину къ давно желанному покою и миру. Вы, рожденнаго въ пещерѣ Христа, сами встрѣчаете въ такихъ же пещерахъ и землянкахъ. Вы, подобно древнимъ волхвамъ приносите рожденному Младенцу самое дорогое — здоровье и жизнь.

И тогда, когда волны большевизма съ трескомъ и грохотомъ разобьются о Вашу богатырскую грудь, когда своими страданиями и несчастьемъ Вы дадите счастье и покой тѣмъ, за кого Вы бьетесь, когда обновленная Вашими страданиями, омытая Вашею кровью Родина займетъ почетное мѣсто среди народовъ, Вы смѣло можете сказать: Господи — мы мерзали чтобы другимъ было тепло, голодали — чтобы дать хлѣбъ, зарылись въ землю — чтобы открыть храмъ, сидѣли въ темнотѣ — чтобы свѣтъ Твоей снѣжью ярко.

Преклоняясь предъ величіемъ Вашего подвига, мы, Ваши пастыри, поздравляемъ Васъ съ Рождествомъ Христовымъ и молимъ Богомладенца — Христа помочь Вашей неимоверно трудной и святой работѣ. Съ праздникомъ друзья и братья:

Духовенство Сѣв.-Зап. Арміи.

У вратъ Царства.

Это былъ сонъ.

Я видѣлъ сияющее Царство, Небесамъ котораго не было конца.

Съ лазурныхъ уступовъ, падали сверкающіе каскады, походившіе на лучи солнечнаго свѣта. На уступахъ росли цвѣты и деревья незнакомые земному взору. И далеко... въ заоблачныя дали уходила свѣтлая дорога, по которой шли многія тысячы молодыхъ жизней въ бѣлоснѣжныхъ рясахъ, съ сияющими крестами и съ радостными лицами къ вратамъ Царствія.

Вотъ она приоткрывалась къ Нему и Стражъ спросилъ ихъ:

— Любили-ли вы свою страдалицу родину и вашихъ страдальцевъ братьевъ тамъ, на мятежной землѣ, гдѣ злоба гаситъ огни любви и гдѣ легка только ненависть, а любовь тяжела, какъ крестъ?

— Да, мы любили! — могучимъ хоромъ отвѣтили они. И тяжелый крестъ нашей любви, любви къ Родинѣ и братьямъ мы несли до послѣдняго нашего вздоха, и благодарили за него судьбу, и любили нашъ крестъ, и любили боль нашей любви...

— Плакали-ли вы о своей несчастной Родинѣ и страдающихъ братьяхъ своихъ? Снова спросилъ ихъ Стражъ.

— Да, да... отвѣчали они со слезами. — Зачѣмъ ты и напоминаешь намъ объ этомъ, Стражъ?

Мы любили свою измученную, истерзанную, полоненную мать родину. Мы плакали о ней, и вѣривая, глубоко вѣривая что Господь не оставитъ ее, не погубитъ, а спасетъ...

— Идите туда! — торжественно возгласилъ Стражъ, раскрывая предъ ними лазурныя двери Царства.

И ангелы тихо заплѣли величественную, рождественскую пѣсню „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ человецехъ благоволеніе“.

В. Тевлякъ.

Извѣрившійся.

По натурѣ реалистъ
Не люблю я фальши,
Править нами коммунистъ,
Все повитно дальше.

Мы живемъ не на дунѣ,
Въ мірѣ идеальномъ,
И пиши тогда по мнѣ
Языкомъ реальнымъ.

Допускаю, правда, я
Вольность у поэта,
Ну, а явнаго вражья...
Взять хотя бы это:

— „Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушка гадали“...
Подозрительный намекъ,
Вы бы такъ написали?

Никогда, — вѣдь это вадоръ:
Сборища, собранья
Подъ запретомъ съ давнихъ поръ
Даже для гаданья.

Такъ къ чему же и писать
(Вводить въ заблужденіе)
Вы бы рискнули погадать
Въ вечерокъ Крещенья.

— „За ворота башмачекъ
Снявъ съ ноги бросали“...
Тутъ, читай хоть между строкъ,
Смыслъ найдешь едва-ли.
Вы подумайте, башмакъ
Бросить за ворота,
И придумалъ же чудакъ, —
Но кому охота
Бросить тысячу двадцать пять.
Вздору нѣтъ и краю,
Дальше стоять ли читать?
Ну ужъ дочитаю.
— „Свѣтъ пололи“... Это мнѣ
Было бы понятно,
На своей узналъ спать,
Какъ сгребать занятию
Свѣтъ на улицѣ и грязь
Въ качествѣ буржуя,
Но съ гаданьемъ ставить въ связь
Это не могу я.
Дальше, что тутъ. — Подъ окномъ
Слушали“... Слыхали.
Этотъ способъ намъ знакомъ,
Нынче нѣтъ и дома,
Гдѣ бы агенты изъ че-ка
Не вострили уха,
Только слишкомъ далека
Эта область слуха

Отъ Рождественскихъ забавъ, —
Какъ поставить въ стѣнкѣ, —
Такъ неужели не правъ
Я въ своей оцѣнкѣ?
Что жъ идетъ у насъ потомъ.
Чтоскаль: — „Кормили
Счетнымъ курицу зерномъ...“
Экъ куда хватили!
Что теперь взята въ учетъ
Каждая крупинка,
Это правда, а насчетъ
Курицы — заминка.
Куры я думаю теперь
Вымерла порода,
Перевелся вовсе звѣрь
Этакого рода.
Несуразности во всемъ.
— „Ярый воскъ топили“
Воскъ, — я думаю, о немъ
Думать позабыли.
Масло, воскъ и стеаринъ
Намъ ужъ не по чину,
Позабыли керосинъ,
Жжемъ одну лучину.
Ну а дальше этотъ хватъ
И загнулъ же фразу:
— „Разстлали бѣлый платъ“,
Прочеси заразу.

Платъ, пожалуй я пойму:
Ордерокъ попался,
Ну а „бѣлый“ ни къ чему,
Даже испугался.
Красный, надо бы сказать.
Это современно.
Если платъ и разстлать,
Красный непременно.
И гадать нельзя теперь
Не боясь цензуры...
(Посмотрите ка за дверь,
Нѣтъ ли агентуры).
— „И надъ чашей пѣли въ дѣлѣ“...
Вретъ каналья, выли
Выли, слышите, не въ ладъ,
Безобразно выли.
Съ голодухи и пѣвцамъ
Всѣ напѣвы трудны,
Такъ ужъ гдѣ и слушать намъ
„Пѣсенки подблюдны“.

Я — въ бѣлый.

Домовой.

Заколотили въ селѣ „Захожевѣ“ старую церковь.

Упразднили за ненадобностью по постановленію „волостной коммунистической ячейки“. Ризы съ образовъ посядрили; поглумились надъ старинными иконами и попробовали было устроить въ церкви кинематографъ, да присланный изъ города уѣздный „кинетехникъ“ призналъ „зданіе не подходящимъ по техническимъ соображеніямъ“.

Такъ и оставили заколоченной.

Старый домовой изъ тихаго дома мельника Максимыча, изъ большой и удобной избы, которую взяли подъ сельский клубъ, переселился въ оставленную церковь.

Давно она ему нравилась, со времени еще Грознаго, когда онъ молодымъ появился въ селѣ. Хаты тысячи разъ переменялись, перестроились, — церковь одна напоминала то время, когда и старики и молодежь уважали дѣда-домового.

Только вотъ ладаномъ въ ней пахло, — это одно удерживало домового, а то и къ иконамъ онъ попривыкъ, на богомольномъ селѣ зажившись, и къ пѣнью церковному. Издали такъ даже нравилось, заслушивался старикъ.

А теперь въ церкви ладаннаго духу и въ поминаніи нѣтъ, служба не правится, — спокойно живетъ.

Подъ рождество развозились въ пустой церкви чертенята, — удержи нѣтъ.

Знай попрыгиваютъ, хвостиками другъ друга за ушами щепочуть. А старикъ домовой ворчить.

— „Ишь, бѣсенята, шатуны бездѣльные, хоть бы своимъ дѣломъ занялись, если на мѣстѣ не сидится. Строили бы людямъ пакости, разъ къ такому дѣлу приставлены. На селѣ чай дѣлишекъ найдется. Не то скоро и по домамъ пора. Нынче, помните, день-то каковъ. Нашему брату нынче до звѣзды положено, а тамъ и брысь подъ лавку. На что я смиренъ, вашихъ пакостей не касаюсь, но и то собираю свои косточки, да на покой до Крещенья“.

Чертенята загалдели.

— „Да ты и впрямь, дѣдка-домовой, не сознательный. Время проглядѣлъ. Рази намъ есть на селѣ работа? Мы при „сочувствующихъ“, такъ они уже на селѣ всѣ въ заправскихъ коммунистовъ вышли. При тѣхъ большой чертъ приставленъ, намъ, бѣсенятамъ не справиться. Вотъ безъ дѣла и шмыгаемъ. А насчетъ того чтобъ Рождество да Крещеніе, — и думать забудь. Ни по какой программѣ не положено. Самъ наибольший говорилъ, а онъ всегда при председателѣ. Нѣтъ теперь нечистой силы сроку. Не полагается, и угомону на насъ сегодня нѣтъ“.

И знай забѣгали, вокругъ потрескавшихся столбовъ, прячутся, въ жмурки играютъ.

Призадумался старикъ. Обидно стало. Ну и времена пошли. Ишь мы не на Святой Руси. Такъ и вымолвилъ „святой“, привычно въѣд испоконъ вѣку. Положенія, черти, не соблюдаютъ.

Да не бывать по ихнему.

Темнѣло.

На краю села собрались. Митингъ, не митингъ, — народъ волнуется. Издали слышно. Юркнули чертенята. Не партия ли опять недѣля, авось на вербу ютъ, курсы снова откроютъ, — намъ чертенятамъ штатное мѣсто будетъ.

Поохалъ, поохалъ старикъ домовой, сталъ монатки собирать по положенію.

Только вдругъ застучали засовы на дубовыхъ дверяхъ, толпой ввалились захожевы въ старый храмъ. А впереди батюшка старенькій, знакомый, отецъ Сила.

Примчался домовой къ стѣнкѣ смотреть.

Лицо у батюшки свѣтлое, радостное, — „Смерть приму, братцы, а въ сочельникъ безъ всенощной васъ не оставлю!“

Окропилъ святой водой стѣны. И на домового брызнуло, — дрогнуло, а на сердцѣ весело: вспомнили старое — то, забытое.

И лилось стройное пѣніе, и свѣчи горѣли, и клубы ладона мягко разстилались по согрѣтой горячимъ дыханіемъ церкви.

Звѣзды затеплились на небѣ, а старикъ-домовой и не думалъ сгнудь. Голосомъ теноркомъ онъ подтягивалъ общему хору крестьянъ, лившему слова — перекатный жемчугъ:

— „Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцехъ олаговоленіе!“

Одной христіанской душой стало больше въ эту ночь на свѣтѣ.

К — ть В — въ.

Сѣверо-Западной Арміи.

Оконченъ путь Голговы страдной... Съ могучей вѣрой въ нашъ народъ, Съ надеждой свѣтлой и отрадной Мы снова двинемся вперед! Впередъ!.. Въ защиту чести, славы Родной Россіи мы встаемъ; Въ защиту попранныго права Побѣдоносно мы пойдемъ. Весна уснувшую природу Разбудить солнечнымъ лучомъ, Дастъ рѣчкамъ скованнымъ свободу, Дохнетъ живительнымъ тепломъ. Тогда... Съ весеннимъ пробужденіемъ Воспрянемъ мы на страхъ врагу, И крикъ „ура“ съ побѣднымъ пѣнемъ На Невскомъ грянемъ берегу! Забывъ невзгоды и тревогу, Съ благословенія Христа Теперь... Смѣлѣе въ путь дорогу Подъ знакомъ „бѣлаго креста“!

Б. С.

5-1-1920.

Двойникъ.

Что нибудь страшное? Да неужели, господа, не надоѣло? Я для васъ уже съ десятокъ разъ ночевалъ въ покинутыхъ польскихъ замкахъ съ привидѣніями, вытаскивалъ свою собственную руку изъ какихъ-то удивительныхъ тисковъ на чудесномъ заводѣ въ ту самую минуту, когда

кости готовы были хрустнуть, обкрадывалъ и Эдгара По, и старые номера рождественскихъ газетъ. И вы снова просите. Извольте, мнѣ въѣд все равно. Только на этотъ разъ, повѣрьте, я слова нѣтъ неправды.

Старый полковникъ откашлялся и началъ. Былъ я тогда капитаномъ всего на всего, но уже матерымъ, держаннымъ. Стояли, какъ полагается, въ захолустьи. Такъ что за серьезными покупками приходилось ѣздить въ сосѣдній городъ. Вотъ и поѣхалъ я одинъ разъ туда подъ Рождество, закушалъ все что нужно и не нужно, и въ сочельникъ вернулся домой.

Тутъ то оно и случилось: оказался я въ двухъ экземплярахъ.

Въ этомъ еще не велика бѣда, а самое досадное было то, что двойникомъ-то оказался не двойникъ, какъ полагалось бы, а вашъ покорный слуга.

Вхожу домой, шинель съ себя, а вѣстовой Качуринъ, вижу глаза вытаращилъ и дрожитъ.

— „Чего“, спрашиваю, „Качуринъ такъ окачурился?“

А онъ и того хуже, поблѣднѣлъ весь.

— „Какъ“, говоритъ, „о васъ доложить прикажете?“

— „Кому это доложить?“

— „Капитану“, говоритъ, „нашему“.

— „А я кто, чужой что-ли?“

— „Такъ точно“, говоритъ „нашъ капитанъ дома. Часа два, какъ прѣехали...“

Сидѣлъ, думаю, Качуринъ. По глазамъ вижу, молитву шепчетъ. Наклонувъ, я пошелъ къ себѣ, а тамъ, — тамъ то я самъ и сижу.

На испуга, ни даже особенно большого удивленія у меня не было. Играетъ, видно, какой-то ловкачъ со мной шутку, загримировался.

Но въ глазахъ двойника я прочелъ такой неподдѣльный ужасъ, что, ей Богу, корешки волосъ зашевелились. Однако выдержалъ я, взялъ себя въ руки и шутливымъ голосомъ сталъ увѣрять двойника, что онъ великодушнѣе, что шутка его удалась блестяще.

И, какъ это ни глупо, вдругъ почувствовалъ, что я съ своимъ развязнымъ тономъ действительно гораздо больше смахиваю на актера, чѣмъ этотъ смертельно испуганный человекъ. Онъ моимъ собственнымъ голосомъ прооромоталъ нѣсколько словъ и, видимо, былъ близокъ къ обмороку отъ ужаса.

Такъ оно и случилось. Могнулъ.

Въ эту самую минуту вошелъ мой приятель, врачъ полковой, Дмитренко. Взглянулъ на меня, на того, оросмелся къ нему приводить въ сознание. А мнѣ шепчетъ:

— „Свинство, милсдаръ; есть же и шуткамъ предѣлы. Убраньтесь-ка вонъ, пока капитанъ не очнулся. Вторично въѣд и убить этимъ можно“.

И действительно, мнѣ стало совѣстно. Какъ-то почувствовалось, что я лишни въ этой комнатѣ, идѣ лежать въ обморокъ несчастный, чуть не на смерть перепуганный мною человекъ и за нимъ улаживаешь возмущеннымъ моимъ поступкомъ его преданный другъ.

Взялъ и ушелъ...

— „Ну а дальше?“ заинтересовались слушатели.

— „Ничего дальше. Поразмыслилъ, и уѣхалъ вовсе отсюда. Все равно въѣд, вер-

нусь раньше, вернусь позже, человекъ не жить. Ужъ Дмитренко не ошибется, какъ сказалъ такъ и будетъ. Справляется потомъ. Двойникъ мой выжилъ, въ генералы вышелъ, сейчасъ корпусомъ командуетъ...“

— „А вы то какъ же сами?“ съ неподдѣльнымъ испугомъ спросила самая молодая изъ дамъ.

Старый полковникъ улыбнулся, ласково посмотрѣлъ ей въ глаза.

— „А я по сочельникамъ для милыхъ дамъ страшные рассказы безъ окончанія придумываю“.

Звѣрьевъ.

РАЕШНИКЪ.

Съ праздничкомъ, Братцы, васъ, съ рождествомъ Христовымъ, низкій вамъ всѣмъ поклонъ.

Ничемъ васъ старику подарить, — подарю добрымъ словомъ — пожелаемъ, поскорѣе окончится русскимъ испытаніемъ. Кажется, лучше не найдешь я подарка: стало бы большевикамъ отъ холоду жарко, отъ голоду — сладко, чтобъ на нихъ самихъ обернулась большевистская повадка, не давать добрымъ людямъ хлѣба и покою. Чтобъ скорѣй пришелъ конецъ большевистскому строю. А добрымъ людямъ зажило бы сыто, когда изверговъ послѣдняя карта будетъ бита.

Да съ трескомъ.

Не задаромъ обѣщавъ Троцкии, командиръ Туродскій, уходить-могъ буду такъ хлопну дверью, — не вѣкъ же ему вывѣдъ Москвою, Тулою и Тверью, — и пускай хлопнетъ. Только не придите бы двери ему по замыслу, а не то зашломбируемъ его въ вагонъ, какъ посылаю. Дети, плуцгазый, откуда прибылъ, а съ насъ довольно твоей заразы, — хватить разсмаать по Руси приказы: тамъ разстрѣлять, а тутъ повѣсать. Довольно.

А еще мнѣ хочется больно, чтобъ молодчиковъ большевистскаго толку, что положить зубы на полку, когда мѣстечекъ коммисарскихъ лишатся, заставили бы всѣхъ собраться, много въѣд есть такого сороду. Пусть возстановятъ русскому народу все, что прахомъ пустили, разорили. Идѣ была проруха поставитъ заплату, заплатитъ за труды бѣлому солдату. Хотя работа для нихъ бѣздѣльниковъ дивное диво, но за то справедливо.

Умѣлъ разорить, умѣи и строить.

А мы, глядишь, къ веснѣ подаримся, съ силами соберемъ, а тамъ и за дѣло примемъ. Къ веснѣ-то будетъ виднѣе, — у насъ въѣд не обьютъ своихъ не жалѣя, у насъ-то идетъ солдатъ за брата, а не за мусоръ, какъ у Троцкаго — существова, врага человеческого рода. У насъ у всѣхъ одна порода — всѣ Русскіе люди. Мы не кормимъ до отвала китайцевъ, и не бьемъ чужими руками своихъ, какъ занцевъ. Тутъ вы, братцы, и разсудите кому побѣдять, а кому быть бѣтлымъ, — думать я объ этомъ не мало и рѣшилъ, что наша возьметъ, во что-бы то ни стало.

За нами будетъ побѣда.

Изъ иностранныхъ газетъ.

Помощь русскимъ бѣженцамъ находящимся въ Эстоніи.

„Таймс“ въ телеграммѣ изъ Копенгагена сообщаетъ, что Датскій Комитетъ, основанный къ концу октября для оказания помощи Петрограду и Международнѣй Русскій Комитетъ оказания Помощи собралъ въ значительномъ количествѣ съѣстные припасы и платья, которые пароходъ Балтонія долженъ привести въ Ревель для русскихъ бѣженцевъ, находящихся въ Эстоніи. Для раздачи вещей пріѣзжаютъ г-жа Анна Софія Скавеніусъ, вдова бывшаго Датскаго Полномочнаго Министра въ Петроградѣ, Гаральдъ Скавеніусъ, одна сестра милосердія и секретарь М. Гергель.

Прозкъ новаго тройственного союза между Австріей, Чехо-Словакіей и Юго-Славией.

ВѢНА 19 декабря („Удси Суоми“ 21 декабря).

Изъ Будапешта сообщаютъ: Въ политическихъ кругахъ оживленный интересъ возбуждаетъ извѣстіе, что Чехо-Словакія и нѣмецкая Австрія пытаются войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ Юго-Славией.

Мысль о необходимости единенія видимо приходитъ и народамъ бывшей Габсбургской имперіи. Скорѣе бы частями распавшейся великой Россіи была понята хотя бы „выгодность“ прежняго единства.

Новый Кабинетъ въ Польшѣ.

ЛОНДОНЪ, 25 декабря. (Латопрессъ). Образовано новое польское министерство. Министромъ предсѣдателемъ состоитъ предсѣдатель Сейма Скульскій.

Подлинное лицо Петлюровской самостоятельности.

СТОКГОЛЬМЪ, 20 декабря. („Илталехтисъ“ 22 декабря).

Изъ Бухареста сообщаютъ; Здѣшняя пресса публикуетъ извѣстія изъ Яссъ, согласно котораго войска Деникина проникли въ Могилевъ. Многие члены украинскаго правительства бѣжали чрезъ границу въ Хотинъ, гдѣ проживаетъ бывший Габсбургскій эрцгерцогъ Вильгельмъ. Онъ состоитъ при штабѣ Петлюры.

Авантюры украинскіхъ самостоятниковъ—соціалстовъ всегда питались изъ Австрійскаго Габсбургскаго источника, то есть были мѣстной и предательской Родины. Припадать къ стопамъ Австрійскаго императора, плясать по указкѣ Австрійскаго Эрцгерцога, и въ то же время кричать о реакціонности вождя народнаго арміи генерала Деникина. Съ большой головой да на здорову.

Русь пробудилась!

„Рабочіе Москвы и Петрограда настроены анти-большевистски.“
„Въ Россіи происходятъ массовыя возстанія противъ Совѣт. власти.“
(Изъ газетъ).

„Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги“ (VI,287). Полвѣка тому назадъ сказалъ Герценъ. И мы видимъ: на нашихъ глазахъ развернувшаяся трагедія приходитъ къ концу. Полный разрывъ русскаго народа съ ихъ спасителями и насадителями золотого вѣка становится очевиднымъ и неизбежнымъ. Мнимые друзья народа явно стали его непримиримыми врагами. Загаенная ненависть къ лудеодержавію все больше и больше выходитъ изъ всякихъ границъ. Русскій „мужикъ“ начинаетъ борьбу съ предателями родины и доведетъ ее до конца, „лукавой рѣчью и хитрыми словами Русь не проведешь“ (Герценъ), она поняла, что „вмѣсто желанной свободы впали въ рабство, и вмѣсто служенія братолюбію и человѣческому единенію впали напротивъ въ отъединеніе“. „И вмѣсто вина упились братскою кровью“ (Достоевскій). Поняла Русь, что на братской крови не создается райское блаженство.

Близится пробужденіе русскаго богатыря!

В. Тверякъ.

Чѣмъ чортъ не шутитъ.

Редактору газеты нервничать.

Хотѣлось бы, чтобы рождественскій номеръ былъ заправскій, съ достаточнымъ количествомъ замерзающихъ мальчонковъ; вагонныхъ пассажировъ, которые рассказываютъ случайному спутнику самую фантастическую историю о нѣкогда пережитой рождественской ночи; веселыхъ рассказцевъ о святочныхъ проказахъ ряженыхъ. А подходящаго матерьяла не было.

Хоть бы самый заурядный, да рождественскій. Ничего что шаблонный,—такъ даже уютнѣе. А то пишуть...

Заглавія-то все рождественскія, а посмотришь въ середину,—статья да еще поющая. Встряски бы нервамъ по старинкѣ, а не по нынѣшнему. И успокоенія бы веселаго, какъ раньше. А то все большевики, да большевики.

Вотъ, взять, рассказъ отличный. А помѣстить, удивляться оудуть. Въ эту самую ночь и вдругъ перестрѣля съ красными, бронеповозъ „Товарищъ Ленинъ“ орудуетъ. А на самомъ-то дѣлѣ перемиріе. Не посмотреть на то, что заранѣе писано, безъ расчета. Бейся тутъ.

Закурить сигарету и задумался.

Тутъ то и вышель чертъикъ. Изъ себя мохнатенькій, но приличный съ виду, и шапка съ наушниками и голосокъ выливеньскій, будто сейчасъ завертнется въ ногахъ и предложитъ:

„Сигареты на совѣтским. Пятьсотъ“.

Конвертикъ тощенькій, бумага дрянъ, и какъ на зло кругомъ исписанная,—двумъ маборщикамъ не дашь.

Сталъ пробѣгать глазами.

Опять что-то совѣтское. Троцкій... чрезвычайчій... Богъ съ нимъ, можетъ быть и подойдетъ.

Рукопись оказалась пьесомъ въ редакцію.

М. Г. г-нъ Редакторъ.

Не откажите помѣстить въ очередномъ хотя бы и рождественскомъ номерѣ Вашей, чуть было не сказалъ, уважаемой, газетѣ (надо признаться у насъ въ аду она наоборотъ уваженіемъ не пользуется) слѣдующее сообщеніе.

Въ виду предстоящаго въ близкомъ будущемъ переѣзда товарища Троцкаго, урожденнаго Бронштейна, на постоянное жительство въ Адъ, по Большой Лизосковородочной улицѣ въ домъ Пламенштейна, мы объявляемъ его особу подъ нашимъ особымъ окровительствомъ и подъ охраной адской чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контрреволюціей. Посему прошу навсегда прекратить всякіе выпады противъ товарища Троцкаго, подъ страхомъ...

Редактору не выдержалъ:

— „Да кто тебѣ мальченка, такую окоселину далъ?“

Чертеночъ обидѣлся:

— „Я вамъ не мальченка. Я чортъ. По пустякамъ не послали бы. Самъ давалъ, отнеси-можь да живѣе...“

Редактору стало забавно. Бойкій мальчуганъ, такъ и сыплетъ...

— „А коли ты чортъ, такъ покажи хвостикъ“.

Къ удивленію редактора мальченка отогнулъ полы кургузлаго пальтишка и выставилъ тоненькій, вертлявый хвостикъ. А ножки у мальченки были обросшія, козлоногія. Редактору протеръ глаза, пощупалъ хвостикъ... съ ума схожу... настоящій!

Вывалъ изъ наборной метранпажа.

Мальченка даже обидѣлся, такъ его безцеремонно трогали, цворачивали, заставляли постукивать по полу копытцами, и вертѣть хвостикомъ.

Вотъ чертовщина!

— „Да ты ряженый что-ли? Рано что-то вырядился въ сочельникъ. Слава Богу...“

Редактору не успѣлъ и фразы окончить, какъ мальченка со свистомъ провалился сквозь полъ. На его мѣстѣ осталась только одна ушастая шапка.

И письмо осталось на столѣ: съ адской печатью, какъ полагается, только бумага плохая,—видимо и тамъ, бьются съ бумагов. Тонкая и красноватая, для нашего номера не подошла бы...

— „Да что мы обидѣли что-ли съ вами? Вѣдь привидится этакое?“—вдругъ опомнился редакторъ.

Съ изумленіемъ разводилъ руками, щупалъ усталую отъ бессонныхъ ночей голову, но понять, все-таки не понималъ.

... домъ Пламенштейна... Большая Лизосковородочная... а писано и впрямь будто кровью... не понимаю.

Приходила уже въ голову мысль, какъ картинно можно рассказать о странномъ снѣ, когда проснешься. А просыпаться, онъ все же не просыпался.

Принесли корректуры сверстанныхъ гранокъ, пришлось читать, механически дѣлать скучныя поправки, а бессознательная мысль, такъ и сверлила въ утомленномъ ночной работой мозгу; а вдругъ и правда? Хорошо бы.

„Чѣмъ чортъ не шутитъ?“

Яр. Ордовскій.

Новая пьеса.

(Отзвѣвъ).

Въ редакцію „Приневскаго Края“ поступила для отзвѣва пьеса подъ заглавіемъ „Коммунисты“. Соч. (Пасыника).

Написанная вполне литературнымъ языкомъ, пьеса въ чтеніи производитъ впечатлѣніе живой вещи, на сценѣ, можетъ—быть даже выигрывающей. Въ пьесѣ выведены три типа такъ называемыхъ „совѣтскихъ отвѣтственныхъ работниковъ“. Пожилой еврей, преслѣдуемый подъ защитой коммунистическихъ идей свои личныя и національныя цѣли обогащенія и власти. Хорошо поддѣляется подъ тонъ, коммунистическихъ теоретиковъ, и откровененъ лишь съ близкими. Второй типъ—разгульных забулдыгъ—насилниковъ, всѣмъ достаточно извѣстный. Третій типъ подхалима въ концѣ концовъ предающий своихъ.

На ряду съ ними рабочій, извѣрившійся въ „рабоче-крестьянскую власть“, дѣвушка еврейка, опьяненная только фразами изъ широковыщательныхъ большевистскихъ программъ.

Бѣлый офицеръ проникаетъ въ эту среду и поражаетъ ее силой своихъ „пролетарскихъ“ убѣждений, говоря очевидно только заученными фразами, но съ подъемомъ. По ходу пьесы ему не отведено особенно большой роли.

Въ пьесѣ сцены, рисующія большевистскія насилия надъ арестованными, разгуль и обманъ народа и т. д. Приходъ бѣлыхъ захватываетъ группу комиссаровъ почти въ распахъ и самымъ жестокимъ образомъ разрушаетъ ихъ планы.

Пьеса довольно удачно рисуетъ большевистскую такъ называемую „власть на мѣстахъ“, и досадно только одно, что „бѣлые“, какъ персонажи являются слишкомъ блѣдными, эпизодичными.

Отвѣтственный редакторъ:

Г. ДАМЦЕ.

Издатель В. ЛЕБЕДЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Наборщики требуются

для типографіи газеты „Приневскій Край“. Обращаться отъ 8—9 час. утра и въ 8 часовъ вечера.

Украденны

У Начальника Оперативнаго Отдѣленія Штаба С.-В. Арміи шт.-Кап. Соловьева его: 1) личная карточка, 2) удостовѣреніе личности, 3) удостовѣреніе на право осмотра расположенія частей и 4) удостовѣреніе на право движенія по гор. Нарвѣ. послѣдніе три выданы Генквармомъ. 5) Постоянный ночной пропускъ на эстонскомъ языкѣ, выданный Эст. комендантурой.

Считать недѣйствительными.